

В. П. ЖЕЛИХОВСКАЯ.

Род. 17 апреля 1835 г., † 5 мая 1896 г.

Вера Петровна Желиховская

Джин-Падишах

Аннотация

«...– Знаете ли вы, почему порою царь гор окутывается тучами и мраком? Почему он часто потрясает небо и землю грозой и вихрями своего гнева, своей бессильной ярости?.. Это потому, что на вершине его, на ледяном его престоле восседает властитель духов и бездны, мощный Джин-Падишах! – говорил Мисербий. Вот что узнали мы от него в этот чудный вечер...»

Вера Петровна Желиховская

Джин-Падишах

Легенда северного Кавказа

Седой старик из племени Адиге стоял за нами, опёршись на ружье и, казалось, не слушал весёлых речей, заглядевшись на верхушки своих родимых гор, тонувших в пламени и багрянице заката. Яркий костёр, зажжённый нашими усталыми, но не утомлёнными охотниками, картинно поднимал вверх столб дыма, выбрасывал языки пламени, вспыхивая как пожар на опушке леса в верху горы; он покрывал янтарём стволы великанов-деревьев, перебегал изумрудами и яхонтами по их листве. А внизу, в долине, в глубоких ущельях, уже воцарилась мгла и ночной сумрак...

Один великий красавец, вечно юный в своих белых и алых покровах, снежный Эльбрус сиял и нежился в прощальных лучах солнца, блестящим конусом выделяясь на безоблачном небе.

Все знали, что старый черкес Мисербий помнит множество преданий своей прекрасной родины, и обратились к нему с просьбами рассказать, что вспоминает он, о чём думает, глядя в цветистую даль земли и в светлую высь небес?.. Он долго, молча, отнекивался, медленно качая головой, но это был его обычный приём; все ждали его рассказов и, точно, их дождались. Дождались – и, по обыкновению, заслушались!

– Вы хотите знать, о чём я думаю? – грустно улыбаясь, заговорил Мисербий. – А, может быть, вам не поправятся мои думы?.. Я человек гор! Как вольный ветер не умеет сдержатъ своего полёта, так и горец, взросший и побелевший на гребнях скал и зелёных склонах гор, по которым он рыщет, неудержимый, и поёт свои от века сложенные песни, – не может исказить их! Не может выкидывать слова из свободных, великих сказаний его!.. Что ж! Я скажу вам, что думал, какие речи отцов отца моего я вспоминал, глядя на сверкающий Эльбрус.

И старец, величественно выпрямившись как юноша, и гордо подняв голову, с ещё блиставшим из-под седых бровей взглядом, протянул руку по направлению к горе. Снеговой её конус, в эту минуту рдевший нежным румянцем, смело вырезался на лазури из-за гряды золотисто-алых облаков, опоясавших его словно лентой.

– Знаете ли вы, почему порою царь гор окутывается тучами и мраком? Почему он часто потрясает небо и землю грозой и вихрями своего гнева, своей бессильной ярости?.. Это потому, что на вершине его, на ледяном его престоле восседает властитель духов и бездны, мощный Джин-Падишах! – говорил Мисербий.

Вот что узнали мы от него в этот чудный вечер.

Грозный дух преисподней, – Джин-Падишах искони прикован великим Тха, Творцом всей природы, за неповиновение Его святым велениям к вершине Эльбруса. Это блестящий престол, с которого Джин-Падишах раздаёт приказания подвластным ему собратьям, но сам покинуть её бессилен.

Когда он говорит, – голос его гремит как гром небесный, будит чуткое эхо, и всё отвечает ему кругом: льды и снега потрясаются и с адским шумом и треском низвергаются в пропасти; потоки ревут и плещут брызгами на скалы; горные орлы бьют крыльями и с диким криком рассекают подоблачную высь; а филины и совы отвечают глухими стонами со дна лесных ущелий, из глубины тёмных расселин. А порою, не приказанья, а вопли и стоны раздаются на снежной вершине... Тогда всё умолкает и скорбит вместе с духом. В особенности прежде, века тому назад, скорбь его надрывала сердца всем слышавшим его горькие сетования. Не на пленение своё сетовал Джин, – нет! Он был страшно наказан Великим, давшим ему дар предвидения... За много столетий до появления в горах наших русских, осуждённый владыка высей и бездн знал, что на место заточения его двинутся северные великаны; что придут чужие, беловолосые люди и завладеют им!.. Он ждал покорителей из полуночных стран, где царствует вечная зима, как и в его подоблачных высотах; он знал, что оттуда, вместе с северными великанами, придёт и яркий свет, который осенит его мрачное царство, проникнет в ущелья и дебри лесные, изгонит из них мирно властвовавших там с начала мира подвластных ему духов тьмы... В мучительном ожидании будущего, Джин-Падишах срывался иногда с престола, гремел цепями, ударами мощных крыльев потрясал горы и долины, и сзывал из глубины земли и моря, спящих в пучинах и пропастях духов. «Собирайтесь! – вопил он. – Собирайтесь мои тёмные рати на выручку нашего царства!.. Ратуйте против жестоких предначертаний осудителя нашего, Великого Тха всей вселенной».

Тогда умолкало пение птиц в цветущих долинах, – мотыльки скрывались под увядшими цветами, рыбки трепетали в потоках. Громче и громче раздавались богохульные вопли Джина, и вершины гор одевались туманом, гроза гремела, бушевало море, сотрясалась вся земля и скалы стонали и расседались, разверзая пропасти ада. А человек, с ужасом прислушиваясь к этому хаосу, дрожал и прятался в свои жилища в ожидании великих бедствий... Но вот око Величайшего обращалось в этот край вселенной и видел Он смятение созданий своих и проникался жалостью к несмысленным! Зрел Он и постигал, что Им сотворённые боятся раба Его, – создание ставят выше Создателя!.. И призывал мир и спокойствие на всех Ему покорных... И вот, сонмы светлых духов окружали вершину седого Эльбруса; витали вокруг ледяного престола возмутителя и райскими песнями водворяли свет и покой вверх, мир на лице земли. Хоры блаженных стремились пробудить раскаяние в сердце Джин-Падишаха. Они пели ему о сладости покаяния, о блаженстве прощения... А он, безумный, не хотел внимать им, не хотел покориться и отвечал им не слезами и мольбой, а скрежетом и сотрясанием своих цепей! Он силился захватить ключья седых туманов и чёрных туч и окружить ими главу свою, чтобы не видеть и не слышать; – но ангелы, духи мира и света, не допускали до этого: они дыханием своим разгоняли тучи и навевали на землю тепло и весенний расцвет.

Облака таяли в лазоревом небе; снежные вершины сияли как алмазы на голубой тверди, а внизу, на земле всё оживало и обновлялось: зеленели холмы, цветы благоухали, светлые ручьи, сладко журча, орошали долины; просыпались в рощах птицы, и человек вторил их песням, выходя в поле на работы... Всюду водворялись мир, тишина и радость жизни...

Свершилось то, чего так боялся великий дух гор: пришли с севера властители и покорили лесные дебри и горы Кавказа. Под самым подножием Джинова трона, они поселили сынов своих; провели дороги, исполосовали их железными колеями и пустили в ход по земле и морю железных чудовищ, которые мчат к нам ежедневно новые полчища русских, оглашая долины, горы и морские побережья резкими стонами, диким свистом, будто подражая хохоту и плачу лесных духов, будто вызывая их на бой, и дразня ярким светом своих разноцветных глаз... И горные духи уходят всё выше и выше, шаг за шагом уступая владения свои человеку, всё печальнее теснясь вокруг своего мрачного повелителя.

А он, несчастный гордец, он, желавший когда-то тягаться силой и властью с Творцом своим; он, из преисподней ждавший помощи против своих врагов и не внявший зову блаженных, он всё сидит, угрюмо понурившись, на самой вершине ледяной горы и вспоминает те блаженные времена, когда он был близок ко Всемогущему, не замыслил ещё свергнуть волю Его и выше Его вознестись... Белая, обледенелая борода его отросла и свесилась в пропасть; всё тело покрылось седым инеем; ногти выросли и впились в ледяную скалу и в промёрзшее тело, а глаза горят как раскалённые жернова и, порою, мечут искры, зажигают молнии...

Завидев огонь их, христиане творят крестные знамения, а суеверные горцы ждут великих бед, произносят заклинания и спешат жертвовать дары грозному Джин-Падишаху. Джигит, успевший даром умиловить духа, весь год будет иметь удачу, и вражеская пуля не коснётся его.

Есть по Тереку и Малке, есть в ущельях Зеленчука и по холмам, на берегах Кубани, много жулатов, – башен в виду Эльбруса, – куда ходят на поклонение Джин-Падишаху. Ведь, мало кто может добраться к нему ближе! Кто может – едет в путь к вечным снегам его. Но видеть грозного старца, белого прадеда, невозможно! На кого сверкнёт блеск его очей – тот умирает; а тому, кто осмелится тронуть пули, оружие или что-либо, принесённое в дар Падишаху – горе великое! Всякий кабардинец, всякий черкес знает, что не должен касаться того, что иногда попадает ему в глубине какой-нибудь дикой расселины скалы, в окрестностях Эльбруса, будь то хоть кинжал, хоть ружьё, гораздо лучшее, чем его собственное вооружение.

Но и на пленного духа гор порою находят милость и благоволение к усердным его почитателям. Много времени тому назад был в Кабарде удалой наездник Ардулай-Нор, никогда не забывавший приносить новогоднюю жертву Джин-Падишаху и никогда не жалевший отдавать ему лучшее из награбленного за год оружия. Прослышал он, что на Кубани, у князя Девлет-Магома, известного богатыря и богача, есть красавица дочь Зейнаб-Астара. Много удалцов, богачей из княжеских и ханских родов сваталось за красавицу; много в честь её творилось подвигов воинских, сжигалось и грабилось гяурских селений, – ничто не колебало гордости отца и холодного сердца дочери. Оба они находили, что во всём крае, от Азова до Дербента, не было жениха достойного такой невесты!.. Возгорелось сердце Ардулая! Не милы стали ему родные горы, леса, аулы и все их красавицы, среди которых каждая готова была с радостью выйти замуж за удалого джигита... Само наездничество и набеги потеряли для влюблённого юноши всю прежнюю прелесть. Целыми днями бесцельно бродил он по горам и лесам, а к вечеру пробирался поближе к аулу Девлет-Магомы, высматривал с горы, не увидит ли где за стеной красавицы, не блеснут ли ему глаза её из окошка сакли. Князь жил особняком на опушке леса, под грядою скал и с них-то высматривал Астару, влюблённый в неё заочно Нор. Вот раз, тёмным вечером, сидит он так на своей вышке, глядит – глаз не спускает с тесовой ограды, с каменных стен просторной сакли, со старой башни с узким оконцем и широкого, поросшего травой двора. Вдруг отворилась маленькая дверь, и вышли из башни две старухи, две прислужницы и хранительницы прекрасной княжны. Вышли они и говорят между собой:

– А что, опять старый хрыч жениху отказал?

– Опять! – отвечает другая. – Вишь не по дочери его такой жених, как уздень Джамбулат. Не диво ему бранные подвиги его; не прельщает его табун лошадей, что уздень пригнал с последнего набега на Дон; не нужны все сокровища, которые он сулит ему в калым за невесту... Будь ты, говорит, гостем моим, уздень Джамбулат, – но мужем дочери моей не будешь!

– Ведь вот какой несговорчивый старик! – дивилась первая женщина. – Боюсь я, что нашей звёздочке Астаре с таким отцом придётся век в девицах свековать. Какой же кинжал разрежет её пша-кафтан [1]?.. Разве найдётся молодец, который и впрямь у Джин-Падишаха оружие для этого призаимёт, как того ожидает наша княжна.

– Да, вот уже никак двадцатого жениха спроваживает князь... А самой Астаре из ночи в ночь всё снится какой-то неведомый джигит, красавец, который, не спросясь отца, отгадает её желание и с бою возьмёт её, мечем грозного повелителя горных духов.

Тут вдруг к ногам разговаривавших упал золотой червонец, за ним другой, третий, четвёртый...

Старухи бросились подбирать, подняли головы к небу: дивились не звёзды ли с неба падают червонцами к их ногам?.. Тогда на горе, из чащи леса, раздался голос:

– Покажите мне прекрасную Зейнаб-Астару, и я засыплю вас золотом.

Переглянулись женщины, испугались.

– Кто б это мог быть?.. Уж не горный ли дух подшучивает над нами?.. Не превратятся ли эти червонцы в горячие угли, как только мы внесём их в жильё? – переговаривались они.

– А вот ты здесь постой, а я пойду в саклю, посмотрю! – предложила одна.

Она ушла и тотчас же возвратилась в радости, позванивая золотыми на ладони.

– Кто ты? – спросили они.

– Я засыплю вас золотом, только покажите мне княжну! – прозвучал снова голос, и снова два червонца звеня покатались к порогу.

Тогда обе прислужницы бросились в саклю и вызвали княжну, захватив с собой и фонарь, чтоб осветить её лицо.

– Иди! – говорили они, – на двор наш с неба сыплются золотые звёзды, сёстры твои!.. [2] Они верно хотят поиграть с тобою, прекрасная княжна. Откинь покрывало! Покажи им ясные очи твои.

И хитрые старухи осветили лицо красавицы, и чуть не ослепили видом его притаившего дух Ардулая.

Пригоршня золотых со звоном раскатилась по траве.

– Видишь ли? Видишь ли, ясная звёздочка наша? – закричали женщины и чуть не подрались, ползая по земле и собирая червонцы.

А Зейнаб-Астара сказала презрительно:

– Это золото!.. Что мне в нём?.. У отца моего мешки полны червонцев и драгоценностей!.. Мне нужен мой милый! Мой желанный джигит, с заколдованным мечем, которому дано будет перерезать шнуровку моего кафтана.

– Он придёт! Он скоро придёт!.. Жди меня, звезда моего неба! – прозвучал страстный голос юноши из тёмного леса на скале.

Сердце Зейнабы затрепетало как птичка в тесной клетке, и она прошептала чуть слышно:

– О! Приходи!.. Приходи скорее, мой милый!

Через неделю во двор Девлет-Магома прискакал всадник весь закованный в латы и обвешанный оружием. За ним следовали двенадцать нукеров, тоже вооружённых по самые уши. Это был Ардулай-Нор. Князь внутренне смутился, потому что накануне все его слуги и воины ушли в набег, за Терек. Но он этого не выказал приезжему, а гостеприимно отворил ему дверь своей кунацкой.

«– Добро пожаловать», – сказал он. – Что надо тебе славный витязь?

– Мне нужна или одна дочь твоя, или, и дочь и, вместе, жизнь твоя, князь! – ответил незнакомец.

– Ты скор на решение! – улыбнулся старый богатырь. – Но, слава Аллаху, я не из трусливых, и не отлита ещё та пуля, и не закалён тот кинжал, которыми пронзят мою грудь.

– Быть может так, но, авось, и тебя проймут двенадцать пуль сразу... Посмотри на потолок.

Глянул Девлет-Магома и видит сквозь слуховое окно, сквозь ход на плоскую крышу сакли, сквозь трубу каменную, двенадцать дул винтовок, направленных в него.

– Ну, ловкий же ты молодец! – сказал он. – Вижу, что ты достойный суженый моей дочери. Я решил, что отдам её только за того джигита, который перехитрит и осилит меня самого.

Ты это сделал! С моей стороны нет препятствий к вашему браку; но, вряд ли, Зейнаб-Астара согласится за тебя выйти, если ты не исполнишь её заветного желания...

– Какого?.. Говори. Я всё исполню!

– Спроси её саму. Не хочу, чтобы ты думал, что я внушу ей ответ.

Отец и жених миролюбиво направились в женскую половину. Там, на парчовых подушках и коврах сидела красавица Зейнаб. Прислужницы окружали её и поспешили сначала закрыть лицо её покроями, а потом уж впустить мужчин. Она приветливо приняла вошедших и промолвила голосом сладким, как весенняя песня жаворонка в поднебесье:

– Селям алейкум, добрый витязь!.. Вижу, что ты тот самый, которого жду я давно... Но, увы!.. Рок мешает нам быть счастливыми, если ты не угадаешь и не исполнишь моего желания.

– Аллах Всемогуший и все силы его да помогут мне в этом, Астара, звезда моей души.

– Так угадывай! – сказал Девлет-Магома, коварно улыбаясь.

Ардулай-Нор поник головою, задумался... Вдруг его осенило воспоминание того, что сказала прислужница в памятную ночь, когда он впервые увидел свою возлюбленную.

Он окинул взглядом окружавших её старух и узнал тех, которых осыпал червонцами. Одна из них, тоже узнав его по голосу, молча, провела пальцем по груди своей, будто бы разрезывала ножом шнуровку...

– Я должен разрезать твой девичий кафтан, о, моя несравненная!.. И клянусь, что никто не разрежет его, кроме меня.

– Да, дорогой мой суженый! Ты отгадал моё желание, но не вполне...

– погоди! – перебил Ардулай красавицу. – Я знаю всё: я должен разрезать его мечом грозного Джин-Падишаха?

– Да! Да!.. – закричали все присутствовавшие. – Видим теперь, что ты воистину, жених, которого ждала княжна.

А Зейнаб-Астара поднялась во весь свой стройный рост и сказала, подняв над ним руки:

– Да будет над тобой благословение Великого Тха, и да обратит он гнев и злобу Джин-Падишаха в благоволение!.. Иди, мой возлюбленный суженый! Исполни предначертание судьбы, чтоб любовь моя была тебе наградой, и мир воцарился над потомством нашим.

– Жди меня до десяти дней! – закричал Ардулай-Нор и как безумный выбежал из сакли.

Чрез минуту только клубы золотистой пыли, ложившиеся по степи, остались от присутствия удалыца-джигита и его двенадцати товарищей.

Ярко сияла полная луна в подоблачном царстве повелителя горных и подземных духов. Всюду расстилались снеговые склоны, высились ледяные скалы; белые покровы сияли серебром, искрились брильянтами, и самый заиндевелый воздух казалось переливался мириадами алмазных пылинок.

Тишина стояла непробудная, полная. Лишь изредка раздавался треск ледника или далёкий гул снежного завала, стремглав слетавшего в пропасти, и снова всё умолкало, и воцарялась торжественная тишина; некому было двигаться – здесь жизни не было. Разве случайно из нижней полосы скал и хвойных лесов, что расстилались сине-туманной полосой далеко внизу, забегали сюда волк или жёлтая лиса, но и те, пробежав по нетронутым снегам, спешили вернуться в свои берлоги и норы... Орёл только, серый царь пернатых, порою взлетал и садился на ледяную вершину и гордо озирался, весь залитый блеском солнца в этой снежной пустыне, словно величаясь тем, что не боится ни стужи её, ни одиночества.

Но это случалось днём. Теперь же ничто не двигалось и не дышало на многие сотни вёрст кругом. Джин-Падишах мог дремать спокойно на своём серебряном троне, упиравшемся в ясное поднебесье, с которого еле мигали, там и сям, бледные звёзды, утопая в сиянии царицы-луны.

И он дремал...

Дремал, весь окованный льдом, и снились ему райские кущи, хороводы блаженных духов и вечное сияние Благого, Великого, Единого, – которому он изменил, от светлых обителей которого он добровольно отрёкся... В полусне и забвении он порой простирали руки к чудным образам прошлого и тогда воздух сотрясаясь от звона его тяжких цепей, и от сотрясения их распадались ледники, и смертоносные обвалы срывались в долины на горе путникам и жителям горных склонов.

Вдруг грозный властитель гор встрепнулся и с трудом приподнял отяжелевшие от инея веки... Ему почудилась близость чего-то живого...

Кто-то входил на вершину, к подножью его ледяного престола.

Кто-то всходил на вершину, к подножью его ледяного престола. Скользя беспрерывно и падая, какой-то смертный взбирался в его обитель. Но Джин-Падишах, хотя почувствовал присутствие человека, но не видал его... Блаженные сны, навеянные на него благими силами, смягчали сердце владыки тёмных сил. Смягчая голос свой, раздавшийся как раскат дальнего грома, он спросил:

- Кто здесь?.. Кто дерзновенный, осмелившийся нарушить покой моего царства и сна?
- Я, витязь Ардулай-Нор, твой верный поклонник и ежегодный жертвователь, – долетел до него ответ.
- Дерзкий и безумный! Что внушило тебе смелость дойти до меня?
- Любовь! – не колеблясь отвечал джигит.

– Я не знаю её! – вскричал Джин, и мощный вопль его раздался как громовой удар над головой Ардулая, и эхо ледников донесло его вниз в горные ущелья, а оттуда в долины и заставило многих спавших в аулах людей проснуться в страхе и многих младенцев от ужаса вскрикнуть, прижимаясь к груди матерей. – Ты видишь – земля дрожит от мановения руки моей! Дыхание моё подобно урагану! Блеск глаз ослепит и сожжёт тебя как молния!.. Уйди безумец и не тревожь моего горя.

Ардулай-Нор упал на колена.

– О, грозный Падишах! «Умертви меня во гневе твоём», – сказал он. – Мне жизнь не нужна без Зейнаб-Астары, царицы души моей, а её я могу получить лишь тогда, когда ты мне позволишь на время взять один из мечей твоих в ущелье Татар-Тула[3]. Там находится главный жулат, куда верные сносят тебе жертвы. Я засыплю его пулями и всякими доспехами, лишь позволь мне на время взять один из твоих клинков.

– Да будет по-твоему, смертный! – отвечал, смягчившись, старец. – Счастлив ты, что попал ко мне в минуту моего смирения... Но зато скажи мне: растут ли ещё хлеба, цветы и травы на земле? Родятся ли ягнята, и есть ли ещё счастливые семьи, где царствует мир и довольство?..

Смутился Нор. Знал он, как и все, что по велениям Всемогущего Тха, с Джин-Падишаха лишь тогда спадут оковы, когда земля и твари станут бесплодны, а между людьми окончательно водворится вражда, и брат восстанет на брата. Боялся он гнева пленного духа, но не хотел солгать... Мысленно призвал он на себя благословение Великого и смело отвечал:

– Да, великий дух! Благодарение Зиждителю, ещё земля родит плоды, и семейное счастье не везде нарушилось...

Едва он выговорил эту истину, земля задрожала, так тряхнул цепями Джин, и в недрах её пронёсся гул от страшного стоны его. Заплакал пленный дух. И слёзы его разлились потоками. Они были так горячи, что вековые снега таяли под ними и расседались в трещины, по которым, бурля и дымясь, эти жгучие слёзы понеслись к подножью Эльбруса, чтобы увеличить ещё более воды тех бурных потоков, которые, неистово прорывая землю и скалы, вырываются из-под льдов в горные ущелья.

Ардулай-Нор, оглушённый и бесчувственный, был подхвачен потоком слёз грозного Падишаха и потерял сознание... Но не даром призвал он на себя благословение Всевышнего: невидимые силы поддерживали его и охранили во льдах и в водах, и в недрах земных.

Ардулай-Нор очнулся в глубоком ущелье реки Малки, где бродил ещё накануне вечером вокруг да около жулата, Татар-Тула, желая страстно и не осмеливаясь выбрать булатный клинок из множества ножей и кинжалов, принесённых в дар Джин-Падишаху. Теперь он смело вскочил на ноги, протёр глаза и вошёл в высокую башню. Странное дело! Он помнил прекрасно своё восхождение на Эльбрус, разговор свой с грозным духом; помнил, как упал и был захвачен клокотавшим потоком слёз его, – а между тем он был цел и невредим и чувствовал себя превосходно, как человек, прекрасно отдохнувший за ночь...

Теперь светало. Сизые пары поднимались с кипучей речки, а предутренний ветерок гнал их вниз, по ущелью, разрывая их в клочья по кустарникам и зелёным склонам... Восток алел. Гряды золотистых облачков в небе таяли, сторонясь перед восходом солнца, светозарного друга природы; а когда Ардулай-Нор вышел из жулата с тонким лезвием закалённой стали в руках, светило дня ярко блеснуло на избранном им кинжале и осветило счастливое, горделиво улыбавшееся лицо влюблённого юноши.

Через несколько дней князь Девлет-Магома шумно и великолепно отпраздновал свадьбу дочери своей Зейнаб-Астары со славным джигитом Ардулай-Нором. Много было истрачено золота, бузы и мёду на этой свадьбе; ещё больше пороку на молодецкую перестрелку поезжан. Синий дым выстрелов долго ещё носился над аулом, серебрясь в ярких лучах месяца, когда щедро одарённые подруги решились сдать тароватому дружке жениха его прекрасную невесту.

– Смотри! – сказал добродушно Девлет-Магома своему зятю, – когда будешь резать шнуровку пша-кафтана кинжалом «грозного старца» – не порань им груди твоей жены. Такая неловкость была бы дурным предзнаменованием для будущего вашего счастья.

Ардулай-Нор улыбнулся. Он был уверен в своей ловкости.

А верхушка Эльбруса так ярко сияла в эту ночь, будто сам Джин-Падишах хотел показать, что радуется счастьем новобрачных.

Примечания

1

Девушки-горянки с малолетства носят пша-кафтан, – т. е. девичий кафтан; нечто вроде корсета, который муж обязан разрезать кинжалом, их не поранив.

(обратно)

2

Астара – звезда.

(обратно)

3

Татар-Тула в переводе: место подвластное татарам. Под таким названием у кабардинцев были известные башни и жулаты, впоследствии обращённые горцами, принявшими магометанство, в минареты.

(обратно)